

Карл Густав
ЮНГ

ЭОН

Исследования
о символике самости

PHILOSOPHY

Философия – Neoclassic

Карл Юнг

**Эон. Исследования о
символике самости**

«Издательство АСТ»

1971

УДК 1(091)(494)
ББК 87.3(4Шва)

Юнг К. Г.

Эон. Исследования о символике самости / К. Г. Юнг —
«Издательство АСТ», 1971 — (Философия – Neoclassic)

ISBN 978-5-17-119241-9

«Эон. Исследования феноменологии самости» – одна из самых необычных работ в научном наследии Юнга, находящаяся на стыке философии, психоанализа, культурологии и религии. Великий ученый обращается в ней к символическому представлению психической целостности, идеальным историческим примером которой, согласно его теории, является Иисус Христос. Эта идея позволяет Юнгу исследовать многогранный смысл раннехристианского символа Спасителя – Рыбы, философию дихотомии образов Христа и Антихриста, а также персидские, иудаистские, гностические и даже алхимические аспекты христианского символизма.

УДК 1(091)(494)
ББК 87.3(4Шва)

ISBN 978-5-17-119241-9

© Юнг К. Г., 1971
© Издательство АСТ, 1971

Содержание

Предисловие	6
I. Эго	8
II. Тень	11
III. Сизигия: анима и анимус	13
IV. Самость[12]	20
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Карл Густав Юнг

Эон. Исследования о символике самости

*И случилось это, говорят они, дабы Иисус мог стать первой
жертвой при разделении составных природ.
Hippolytus, Elenchos, VII, 27, 8*

C. G. Jung

AION: BEITRÄGE ZUR SYMBOLIK DES SELBST – Aion:

Researches into the Phenomenology of the Self

(Collected Works, Volume 9.2)

© Walter Verlag AG, Olten, 1971

© Foundation of the Works of C.G. Jung, Zürich, 2007

© Перевод. А. Чечина, 2019

© Школа перевода В. Баканова, 2019

© Издание на русском языке AST Publishers, 2019

Предисловие

В настоящий том (том VIII *Psychologische Abhandlungen*) я включаю две работы, которые, несмотря на их внешние и внутренние различия, должны находиться рядом, ибо обе посвящены основной теме данной книги, а именно идее Эона (греч. *Aion*). Если работа моей сотрудницы, доктора Марии-Луизы фон Франц, описывает психологический переход от Античности к христианству посредством анализа «Страстей св. Перпетуи», то мое собственное исследование призвано с помощью христианских, гностических и алхимических символов самости пролить свет на изменение психической ситуации в рамках «христианского эона». С самого начала христианская традиция не только насыщена персидскими и иудейскими представлениями о начале и конце времен, но также изобилует намеками на своего рода энантиодромическую инверсию доминант. Под этим я подразумеваю дилемму Христа и Антихриста. Вероятно, на большинство исторических суждений о времени и его пределах оказали влияние астрологические идеи, о чем свидетельствует Апокалипсис. Таким образом, вполне естественно, что мои размышления вращаются главным образом вокруг символа *Рыб*, ибо эон Рыб синхронистически сопутствует двухтысячелетнему развитию христианства. Данный период не только явился свидетелем прогрессивной символической амплификации и, следовательно, психологической ассимиляции фигуры Антропоса («Сына Человеческого»), но и принес с собой изменения в человеческой установке, которые уже были предвосхищены в древних текстах ожиданием Антихриста. Поскольку эти тексты относят приход Антихриста к концу времен, можно говорить о «христианском эоне», который, как предполагается, должен завершиться Вторым Пришествием. Судя по всему, подобное ожидание совпадает с астрологическим понятием «платоновского месяца» Рыб.

Мое предложение обсудить данные исторические вопросы обусловлено тем фактом, что архетипический образ целостности, столь часто возникающий в продуктах бессознательного, имеет своих предшественников. Уже очень рано их стали отождествлять с фигурой Христа, как я показал в своей книге «Психология и алхимия» (глава 5). Мои читатели так часто просили меня рассмотреть связи, существующие между традиционной фигурой Христа и естественными символами целостности, что я в конце концов решил взяться за эту задачу. Учитывая особые сложности подобного предприятия, такое решение далось мне нелегко, ибо, чтобы преодолеть все препятствия и избежать возможных ошибок, требуются знания и осторожность, которыми, к сожалению, я обладаю лишь в ограниченной степени. Я более или менее уверен в своем анализе эмпирического материала, но в полной мере осознаю тот риск, которому подвергаюсь, привлекая в свои рассуждения свидетельства истории. Полагаю, я также сознаю ответственность, которую беру на себя, когда, продолжая исторический процесс ассимиляции, добавляю к многочисленным символическим амплификациям фигуры Христа еще одну, психологическую, или даже свожу символ Христа к психологическому образу целостности. Однако мой читатель не должен забывать, что я пишу не тенденциозный трактат: скорее, я рассматриваю то, как некоторые вещи могут быть осмыслены с точки зрения нашего современного сознания, — вещи, понять которые, как мне кажется, крайне важно и которым явно грозит опасность сгинуть во мраке непонимания и забвения; вещи, которые помогли бы нам в значительной степени излечиться от философской дезориентации, пролив свет на психический фон и потайные уголки души. Суть этой книги складывалась постепенно, в течение многих лет, в ходе бесчисленных бесед с людьми всех возрастов, профессий и слоев общества; с людьми, которые в условиях нашего смятенного и лишенного корней общества вполне могли утратить всякую связь со смыслом европейской культуры и впасть в состояние внушаемости, каковое есть главный повод и причина утопических массовых психозов нашего времени.

Я пишу не как прозелит, но как врач, с присущим врачу чувством ответственности. Не пишу я и как ученый; в противном случае я благоразумно забаррикадировался бы за безопасной стеной своей специализации и, в силу своих недостаточных познаний в истории, не подвергал бы себя нападкам критиков, рискуя запятнать свою научную репутацию. Насколько мне это позволили мои силы, ограниченные преклонным возрастом и болезнью, я приложил все старания, дабы подкрепить свои материалы и выводы как можно более надежными документальными источниками.

К. Г. Юнг
Май 1950 г.

I. Эго

¹ В ходе исследования психологии бессознательного я столкнулся с фактами, потребовавшими формулирования новых понятий. Одно из таких понятий – *самость*. Данная структура отнюдь не призвана занять место другого комплекса, известного под названием *эго*, но включает его в себя как понятие супраординатное. Под *эго* мы понимаем комплексный фактор, с которым соотносятся все сознательные содержания и который образует центр поля сознания. Поскольку последнее вмещает в себя эмпирическую личность, *эго* выступает субъектом всех личностных актов сознания. Связь некоего психического содержания с *эго* образует критерий его осознанности, ибо ни одно такое содержание не может стать осознанным, пока не будет представлено субъекту.

² Вышеприведенное определение позволяет описать и определить *охват* субъекта. Теоретически поле сознания не может быть ограничено теми или иными рамками, ибо способно к неограниченному расширению. С эмпирической точки зрения, однако, оно всегда обнаруживает некий предел, когда сталкивается с *неизвестным*. Неизвестное состоит из всего непознанного и, следовательно, не связанного с *эго* как центром поля сознания. Неизвестное распадается на две группы объектов: те, что находятся вовне и могут быть восприняты органами чувств, и те, что находятся внутри и переживаются непосредственно. Первая группа включает неизвестное во внешнем мире, вторая – неизвестное в мире внутреннем. Последнее мы называем *бессознательным*.

³ Как специфическое содержание сознания *эго* представляет собой не простой или элементарный, но комплексный фактор, который как таковой не поддается исчерпывающему описанию. Опыт показывает, что он зиждется на двух, внешне различных базисах: *соматическом* и *психическом*. Соматическая основа выводится из целокупности эндосоматических ощущений, которые, в свою очередь, уже обладают психической природой и ассоциированы с *эго*, а значит, являются сознательными. Эндосоматические ощущения генерируют эндосоматические раздражители, из которых лишь немногие способны преодолеть порог сознания. Значительная часть этих раздражителей действует на бессознательном уровне, то есть сублиминально. Сама по себе сублиминальность (подпороговость) не обязательно означает, что они носят исключительно физиологический характер; в этом плане они не отличаются от любого психического содержания. Иногда они преодолевают порог и поддаются непосредственному восприятию. Однако большая часть этих эндосоматических раздражителей, без сомнения, не может быть осознана и настолько элементарна, что нет никаких оснований наделять их психической природой – если, конечно, не разделять философскую точку зрения, согласно которой все жизненные процессы так или иначе являются психическими. Главный аргумент против данной едва ли доказуемой гипотезы заключается в том, что она предполагает неограниченное расширение понятия психики, а также интерпретирует жизненный процесс с позиций, должным образом не подкрепленных фактами. Чересчур широкие концепции обычно оказываются непригодными, ибо слишком расплывчаты и туманны. По этой причине я предложил использовать термин «психический» только в тех случаях, когда очевидно присутствие воли, способной модифицировать рефлексy или инстинктивные процессы. Здесь я вынужден отослать читателя к моей работе «О природе психе»¹, где дефиниция «психического» обсуждается более подробно.

⁴ Таким образом, соматическая основа *эго* состоит из сознательных и бессознательных факторов. То же справедливо и в отношении психической основы: с одной стороны, *эго* базируется на *целокупном поле сознания*, с другой – на *совокупности бессознательных содержаний*.

¹ См. «О природе психе».

Последние распадаются на три группы: во-первых, временно сублиминальные содержания, которые могут быть воспроизведены произвольно (память); во-вторых, бессознательные содержания, не поддающиеся произвольному воспроизведению; и в-третьих, содержания, которые вообще не могут стать сознательными. На существование второй группы указывает спонтанный прорыв сублиминальных содержаний в сознание. Третья группа носит гипотетический характер; она представляет собой логический вывод из фактов, лежащих в основе второй группы. В нее входят содержания, которые либо *еще не* прорвались внутрь сознания, либо не прорвутся в него никогда.

⁵ Когда я говорю, что эго «зидется» на целокупном поле сознания, я не имею в виду, что оно *состоит* из него. Будь оно так, эго было бы невозможно отличить от поля сознания как целого. Эго – лишь отправная точка поля сознания, основанная на описанном выше соматическом факторе и ограниченная им.

⁶ Хотя как таковые его основы относительно неизвестны и бессознательны, эго есть сознательный фактор *par excellence*. С эмпирической точки зрения оно приобретает в течение жизни индивида. По всей видимости, эго впервые возникает из коллизии соматического фактора с окружающей средой и, однажды став субъектом, продолжает развиваться в дальнейших столкновениях с внешним и внутренним миром.

⁷ Несмотря на неограниченную протяженность своих основ, эго никогда не бывает ни больше, ни меньше сознания в целом. Как сознательный фактор, эго, по крайней мере теоретически, поддается исчерпывающему описанию. Последнее, однако, всегда будет представлять собой не более чем набросок *сознательной личности*, лишенный всех черт, неизвестных субъекту или им не осознаваемых. Полная картина, напротив, должна включать и их. Впрочем, полное описание личности, даже в теории, абсолютно невозможно, ибо ее бессознательная часть недоступна познанию. Эту бессознательную часть, как показывает опыт, ни в коем случае нельзя считать несущественной. Наоборот, наиболее значимые качества человека часто носят бессознательный характер и могут быть восприняты только окружающими, либо обнаружены с большим трудом при активном содействии извне.

⁸ Таким образом, личность как целокупный феномен не совпадает с эго, т. е. с сознательной личностью, но образует сущность, которую необходимо отличать от эго. Естественно, потребность в этом присуща только психологии, признающей сам факт существования бессознательного; для такой психологии подобное различие имеет первостепенное значение. Даже в юриспруденции немаловажно, осознаны или не осознаны определенные психические факты – например, при установлении степени ответственности.

⁹ Целокупную личность, которая, хотя и присутствует, не может быть познана до конца, я предложил называть самостью. Эго, по определению, подчинено самости и относится к ней как часть к целому. Внутри поля сознания оно, как мы уже сказали, обладает свободой воли. Под этим я подразумеваю не что-либо философское, а всего лишь хорошо известный психологический факт «свободного выбора», или, точнее, субъективное ощущение свободы. Однако, как только наша свободная воля сталкивается с требованиями внешнего мира, она обнаруживает свои пределы и вне поля сознания, в субъективном внутреннем мире, где вступает в конфликт с фактами самости. Как обстоятельства или внешние события «случаются» с нами и ограничивают нашу свободу, так и самость ведет себя с эго как *объективная данность*, которая практически не поддается изменениям посредством свободной воли. В самом деле, хорошо известно, что эго не только бессильно против самости, но иногда даже ассимилируется бессознательными компонентами личности, пребывающими в процессе развития, и сильно изменяется под их воздействием.

¹⁰ В силу самой природы рассматриваемого предмета, никакое другое общее описание эго, за исключением формального, невозможно. Любой другой способ наблюдения предпола-

гает учет *индивидуальности*, присущей эго в качестве одной из его главных характеристик. Хотя многочисленные элементы, составляющие данный комплексный фактор, сами по себе всюду одинаковы, они представлены бесконечными вариациями с точки зрения ясности, эмоциональной окрашенности и широты охвата. Таким образом, результат их сочетания, т. е. эго, насколько мы можем судить, индивидуален и уникален. Его стабильность относительна, поскольку иногда с личностью происходят глубокие трансформации. Изменения такого рода не обязательно являются патологическими; они могут сопутствовать развитию и, следовательно, не выходить за рамки нормы.

¹¹ Поскольку эго выступает отправной точкой для поля сознания, оно является субъектом всех успешных попыток адаптации до тех пор, пока последние достигаются волей. Таким образом, эго играет значимую роль в психической экономии. Его позиция в ней настолько важна, что есть веские основания полагать, будто эго является центром личности, а поле сознания есть психика *per se*. Если отбросить определенные идеи, встречающиеся у Лейбница, Канта, Шеллинга и Шопенгауэра, а также философские размышления Каруса и фон Гартманна, то мы увидим, что лишь в конце XIX века современная психология с ее индуктивными методами открыла основы сознания и эмпирически доказала существование психики за его пределами. В результате этого открытия прежде абсолютная позиция эго подверглась релятивизации; другими словами, хотя эго и осталось центром поля сознания, сомнительно, чтобы оно выступало центром личности. Эго – часть личности, но не вся личность целиком. Как я уже говорил, оценить, насколько велика или мала его доля, насколько оно свободно или зависимо от свойств этой «внесознательной» психики, невозможно. Мы можем лишь сказать, что его свобода ограничена, а его зависимость подтверждается весьма убедительными доказательствами. По моему опыту, не следует недооценивать зависимость эго от бессознательного. Разумеется, нет необходимости напоминать об этом тем, кто и без того переоценивает важность последнего. Определенным критерием надлежащей меры служат психические последствия неверной оценки, к чему мы еще вернемся позже.

¹² Мы видели, что с точки зрения психологии сознания содержания бессознательного можно разделить на три группы. Однако с точки зрения психологии личности их следует разделить на две группы: «внесознательную» психику, содержания которой имеют личностную природу, и «внесознательную» психику, содержания которой имеют безличную и коллективную природу. Первая группа включает содержания, которые представляют собой неотъемлемые компоненты индивидуальной личности, а значит, вполне могут быть осознаны; вторая группа образует всепроникающее, неизменное и повсюду идентичное *качество* или *субстрат психики per se*. Разумеется, это не более чем гипотеза. Тем не менее она подкрепляется особой природой эмпирического материала, не говоря уже о высокой вероятности того, что общее сходство психических процессов у всех индивидов должно базироваться на столь же общем и безличном начале, равносильном закону, – так манифестация инстинкта у отдельного человека есть лишь частичная манифестация инстинктивного субстрата, общего для всех людей.

II. Тень

¹³ Если содержания личного бессознательного приобретаются на протяжении жизни индивида, содержания коллективного бессознательного неизменно представляют собой архетипы, присутствующие в нем изначально. Их связь с инстинктами я рассматриваю в других своих работах². С эмпирической точки зрения наиболее полно можно характеризовать те архетипы, которые оказывают самое частое и возмущающее воздействие на эго. Это *тьень*, *анима* и *анимус*³. Наиболее доступной для переживания является тень, ибо ее природу в значительной мере можно вывести из содержаний личного бессознательного. Единственным исключением из этого правила являются те довольно редкие случаи, когда положительные качества личности подавляются, и эго, как следствие, играет преимущественно негативную или неблагоприятную роль.

¹⁴ Тень – нравственная проблема, бросающая вызов всей эго-личности, ибо никто не в силах осознать тень, не приложив к этому серьезных нравственных усилий. Осознание тени предполагает признание существования и реальности темных аспектов личности. Данный акт является неотъемлемым условием самопознания любого рода и, как правило, сталкивается с сильным сопротивлением. В самом деле, самопознание как психотерапевтическая мера часто требует тяжелого труда в течение длительного периода времени.

¹⁵ Более пристальное изучение темных характеристик – иными словами, низших качеств, составляющих тень, – показывает, что они обладают *эмоциональной* природой, своеобразной автономией и, соответственно, обсессивным или, точнее, посессивным свойством. В частности, эмоция – это не деятельность индивида, а нечто, что случается с ним само собой. Аффекты обычно наблюдаются там, где адаптация слабее всего; в то же время они раскрывают причину ее слабости, а именно определенную степень ущербности и существование более низкого уровня личности. На этом уровне, с его неконтролируемыми или едва контролируемыми эмоциями, человек ведет себя более или менее как дикарь, который не только выступает пассивной жертвой своих аффектов, но и полностью неспособен к моральным суждениям.

¹⁶ Хотя благодаря инсайту и доброй воле тень может в некоторой степени ассимилироваться в сознательную личность, опыт показывает, что существуют определенные черты, оказывающие самое упорное сопротивление моральному контролю и практически не поддающиеся влиянию. Подобное сопротивление обычно связано с *проекциями*, которые не воспринимаются как таковые; их распознавание – великое нравственное достижение. Тогда как некоторые черты, присущие тени, без особого труда могут быть распознаны как собственные личностные качества, в данном случае и инсайт, и добрая воля бесполезны, ибо причина эмоции заключена, вне всякого сомнения, в *другом человеке*. Насколько бы очевидными ни были эти проекции для стороннего наблюдателя, не стоит надеяться, что субъект заметит их сам. Прежде чем человек пожелает снять эмоционально окрашенные проекции с их объекта, его в первую очередь необходимо убедить в том, что он отбрасывает очень длинную тень.

¹⁷ Предположим, некий индивид не проявляет желания признавать свои проекции. В таком случае порождающий проекции фактор обретает свободу и может достичь своей цели, если таковая у него имеется, или спровоцировать иную ситуацию, характеризующую его могущество. Как известно, проецирование осуществляется не сознательным, а бессознательным

² «Инстинкт и бессознательное», «О природе психе».

³ Содержание этой и следующей глав заимствовано из лекции, прочитанной мной в 1948 году Швейцарскому обществу практической психологии (Цюрих). Впервые материал был опубликован в журнале «Wiener Zeitschrift für Nervenheilkunde und deren Grenzgebiete», I/4 (1948).

субъектом. Следовательно, человек сталкивается с уже готовыми проекциями, а не создает их. Результатом проекций является изоляция субъекта от его окружения, ибо реальная связь с ним уступает место иллюзорной. Проекции превращают мир в копию собственного лица человека, ему неизвестного. В конечном итоге они ведут к аутоэротичному или аутистическому состоянию, при котором человек грезит о мире, реальность которого навсегда остается недостижимой. Результирующее *sentiment d'incomplétude* и еще более неприятное ощущение стерильности, в свою очередь, объясняются проекцией как злонамеренность окружающей среды; данный порочный круг еще больше усиливает изоляцию. Чем больше проекций отделяют субъект от его окружения, тем труднее это видеть сквозь свои иллюзии. Один сорокапятилетний пациент, страдавший неврозом навязчивых состояний с двадцати лет, однажды сказал мне: «Не могу же я признаться себе, что зря потратил лучшие двадцать пять лет жизни!»

¹⁸ Грустно наблюдать, как человек портит жизнь себе и другим, но при этом совершенно неспособен понять, что источник трагедии, которую он постоянно подпитывает и поддерживает, кроется в нем самом. Не *сознательно*, разумеется, ибо сознание его занято сетованиями и проклятиями в адрес вероломного мира, отодвигающегося все дальше и дальше. Скорее, иллюзии, заслоняющие собой мир, плетет некий бессознательный фактор. В действительности он плетет кокон, который в итоге полностью окутает человека.

¹⁹ Можно предположить, что подобные проекции, которые так трудно или даже вообще невозможно устранить, принадлежат царству тени, т. е. отрицательной стороне личности. Однако в определенный момент данное допущение становится несостоятельным, поскольку возникающие символы относятся теперь к противоположному полу: у мужчины к женщине, и наоборот. Источником проекций выступает уже не тень, всегда имеющая тот же пол, что и субъект, а фигура противоположного пола. Здесь мы сталкиваемся с анимусом женщины и анимой мужчины – двумя соответственными архетипами, чьи автономия и бессознательность объясняют устойчивость их проекций. Хотя тень представляет собой мотив, известный в мифологии не менее, чем анима и анимус, она репрезентирует прежде всего личное бессознательное, а потому ее содержание без особых затруднений поддается осознанию. В этом отношении тень отличается от анимы и анимуса, ибо если тень распознается с легкостью, то анима и анимус находятся гораздо дальше от сознания и в нормальных условиях осознаются крайне редко (если осознаются вообще). Тень можно обнаружить посредством самокритики до тех пор, пока ее природа личностна. Но когда она предстает как архетип, возникают те же трудности, что и в случае с анимой и анимусом. Другими словами, человек вполне способен признать относительное зло своей природы, однако попытки взглянуть в лицо абсолютного зла – опыт редкий и зачастую разрушительный.

III. Сизигия: анима и анимус

²⁰ Что же представляет собой фактор, создающий проекции? На Востоке его называют «пряхой»⁴ – *Maya*, своим танцем порождающей иллюзию. Даже если бы мы ничего не знали о ней из символики сновидений, этот намек с Востока навел бы нас на верный след: окутывающий, всеобъемлющий и поглощающий элемент явно указывает на мать⁵, то есть на отношение сына к реальной матери, к ее имаго, и к женщине, которая должна стать для него матерью. Его Эрос пассивен как у ребенка: он надеется быть пойманным, втянутым внутрь, окутанным и поглощенным. В действительности он стремится в защищающий, питающий, зачарованный круг матери, к состоянию младенца, избавленного от всех треволнений, в котором внешний мир заботливо склоняется над ним и даже вынуждает испытывать счастье. Неудивительно, что реальный мир исчезает из поля зрения!

²¹ Если эта ситуация драматизируется (а бессознательное, как правило, драматизирует ее), то на психологической сцене появляется человек, живущий регрессивно, стремящийся вернуться в детство, к матери, бегущий от холодного жестокого мира, который его не понимает. Нередко рядом с ним появляется и мать, которая, по всей видимости, отнюдь не заинтересована в том, чтобы ее сын стал мужчиной, но которая, прилагая неустанные и самоотверженные усилия, не пренебрегает ничем, что может помешать ему повзрослеть и жениться. Мы видим тайный сговор между матерью и сыном, в рамках которого один помогает другому обмануть жизнь.

²² На ком же лежит основная вина – на матери или сыне? Вероятно, на обоих. Неудовлетворенную тоску сына по жизни и миру следует принимать всерьез. Он жаждет соприкоснуться с реальностью, заключить в объятия землю и заставить поле мира приносить плоды. Однако он предпринимает лишь несколько судорожных попыток, ибо и его инициатива, и стойкость подорваны тайной памятью о том, что мир и счастье можно получить как подарок от матери. Тот фрагмент мира, с которым он, как всякий человек, вынужден сталкиваться снова и снова, всегда оказывается для него не тем, поскольку не дается ему в руки сам собой, не бежит навстречу, но сопротивляется, желает, чтобы его завоевывали, и подчиняется только силе. Он предъявляет требования к маскулинности мужчины, к его пылу и рвению и, прежде всего, к его смелости и решимости, когда дело доходит до того, чтобы бросить на чашу весов само его бытие. Для этого мужчине требуется вероломный Эрос – такой, который способен забыть свою мать и отступить от первой любви своей жизни. Мать, предвидя такую опасность, старательно прививала ему добродетели верности, преданности, лояльности, дабы защитить его от риска морального разложения, сопутствующего жизненным перипетиям. Он слишком хорошо усвоил эти уроки и остается верен матери. Это естественным образом вызывает у нее глубочайшую тревогу (когда, например, он оказывается гомосексуальным), но в то же время приносит бессознательное удовлетворение явно мифологического свойства. Ибо в нынешних отношениях между ними реализуется извечный и самый священный архетип брака матери и сына. В конце концов, что эта прозаичная действительность, с ее загсами, конвертами с зарплатой и ежемесячными взносами за жилье, может предложить такого, что смогло бы перевесить мистический трепет *hieros gamos*? Или увенчанной звездами девы, которую преследует дракон? Или благочестивых потемок, скрывающих брак Агнца?

⁴ Erwin Rousselle, «Seelische Führung im lebenden Taoismus», Pl. I, стр. 150, 170. Руссель называет пряху «животной душой». Я определил аниму как персонификацию бессознательного.

⁵ Здесь и далее слово «мать» употребляется не в буквальном смысле, а как символ всего того, что выполняет функцию матери.

²³ Данный миф лучше, чем любой другой, иллюстрирует природу коллективного бессознательного. На этом уровне мать одновременно стара и молода, она – и Деметра, и Персефона, а сын – супруг и спящий младенец, слитые воедино. Несовершенства реальной жизни с ее трудностями адаптации и многочисленными разочарованиями, разумеется, не могут соперничать с подобным состоянием неопишуемой полноты и удовлетворения.

²⁴ В случае сына фактор, порождающий проекции, идентичен материнскому имажу, который, следовательно, воспринимается как реальная мать. Проекция может быть устранена лишь тогда, когда сын увидит, что в царстве его психики присутствует образ не только матери, но и дочери, сестры, возлюбленной, небесной богини и хтонической Баубо. Каждая мать и каждая возлюбленная вынуждены становиться носителем и воплощением этого вездесущего и вечного образа, который соответствует глубинной реальности в мужчине. Данный губительный образ Женщины принадлежит ему; она представляет собой ту верность, от которой, в интересах жизни, он иногда должен отказаться; она – столь необходимая компенсация за риски, трудности и жертвы, кои неизменно завершаются разочарованием; она – утешение за всю горечь жизни. В то же время она – великая фокусница и соблазнительница, которая вовлекает его в жизнь, причем не только в ее разумные и полезные аспекты, но и в ее пугающие парадоксы и двусмысленности, где добро и зло, успех и крах, надежда и отчаяние уравнивают друг друга. Поскольку она представляет для мужчины величайшую опасность, то и требует от него наибольшего, на что он способен; и, если оно в нем есть, она это получит.

²⁵ Этот образ – «Госпожа Душа», как назвал его Шпиттелер. Со своей стороны я предложил термин «анима» как подчеркивающий нечто специфическое, для чего слово «душа» слишком общее и расплывчатое. Эмпирическая реальность, выраженная понятием анимы, образует крайне драматическое содержание бессознательного. Это содержание можно описать рациональным, научным языком, но тогда теряется его живой характер. Поэтому при описании живых процессов психики я намеренно и сознательно отдаю предпочтение драматическому, мифологическому способу мыслить и говорить, ибо он не только более выразителен, но и более точен, нежели абстрактная научная терминология, питающая надежды, будто ее теоретические формулировки в один прекрасный день удастся выразить через алгебраические уравнения.

²⁶ Фактором, порождающим проекции, является анима или, точнее, бессознательное, представленное анимой. В снах, видениях и фантазиях она всегда появляется в персонифицированной форме, показывая тем самым, что олицетворяемый фактор обладает всеми характерными признаками существа женского пола⁶. Она не изобретение сознания, но спонтанный продукт бессознательного. Не является она и фигурой, замещающей мать. Напротив, высока вероятность, что нуминозные качества, придающие материнскому имажу столь опасное могущество, проистекают от коллективного архетипа анимы, который заново воплощается в каждом ребенке мужского пола.

²⁷ Поскольку анима – архетип, который обнаруживается у мужчин, разумно полагать, что некий эквивалентный архетип должен присутствовать и у женщин; ибо как женский элемент компенсирует мужчину, так и мужской компенсирует женщину. Я, однако, вовсе не хочу, чтобы данный аргумент создавал впечатление, будто эти компенсаторные отношения выведены путем дедукции. Напротив, чтобы эмпирически постичь природу анимы и анимуса, понадобился долгий и разнообразный опыт. Таким образом, все, что мы можем сказать об этих архетипах, либо поддается непосредственной проверке, либо представляется высоко вероятным, учитывая имеющиеся факты. В то же время я полностью отдаю себе отчет в том, что мы обсуж-

⁶ Разумеется, анима – типичная фигура в *belles-lettres*. В числе последних публикаций на тему анимы следует упомянуть *The Dream of Poliphilo* Линды Фирц-Дэвид, а также мою «Психологию переноса». Анима как психологическая идея впервые появляется у гуманиста XVI в. Ричарда Уайта (Рикардуса Вита). См. мою работу *Mysterium Coniunctionis*, «Загадка Боломьи».

даем лишь первые исследования в этой области, которые по самой своей природе могут носить лишь предварительный характер.

²⁸ Как мать для сына, так и отец для дочери представляются первыми носителями проецирующего проекции фактора. Практический опыт таких отношений включает множество индивидуальных случаев, представляющих все возможные вариации одной и той же основной темы. Следовательно, их краткое описание может быть только схематическим.

²⁹ Женщина компенсируется маскулинным элементом, а потому ее бессознательное несет на себе, так сказать, маскулинный отпечаток. Это приводит к существенному психологическому различию между мужчинами и женщинами, в связи с чем я назвал порождающий проекции фактор у женщин «анимусом», что означает «разум» или «дух». Анимус соотносится с отцовским Логосом так же, как анима – с материнским Эросом. Однако я не стремлюсь дать этим двум интуитивным понятиям чересчур специфическое определение. Я использую Эрос и Логос просто как концептуальных помощников для описания того факта, что сознание женщины характеризуется связующими качествами Эроса в большей степени, чем различием и познанием, ассоциирующимися с Логосом. У мужчин Эрос – функция отношений – обычно менее развит, чем Логос. У женщин, напротив, Эрос есть выражение их истинной природы, тогда как их Логос зачастую бывает не более чем прискорбной случайностью. В кругу семьи и друзей он дает начало недопониманию и обидным истолкованиям. Это происходит потому, что он состоит из *мнений* вместо размышлений; под мнениями я подразумеваю априорные предположения, претендующие на абсолютную истинность. Подобные предположения, как всем нам хорошо известно, могут быть крайне раздражающими. Поскольку анимус обожает спорить, его лучше всего наблюдать во время тех дискуссий, в которых обе стороны считают себя правыми. Мужчины могут спорить и по-женски, когда бывают одержимы анимой и превращаются, таким образом, в анимус своей собственной анимы. Для них вопрос становится вопросом их личного тщеславия и чувствительности (как если бы они были женщинами); для женщин же это вопрос силы, будь то силы истины, справедливости или какого-нибудь «изма», поскольку об их тщеславии уже позаботился парикмахер и портной. В женской аргументации важную роль всегда играет «Отец» (то есть сумма устоявшихся мнений). Сколь бы дружелюбным и любезным ни был Эрос женщины, никакая логика на свете не способна поколебать ее, если она находится во власти анимуса. Нередко у мужчины возникает ощущение (и он не так уж заблуждается), что только соблазнение, побои или насилие могут ее переубедить. Он не осознает, что эта в высшей степени драматическая ситуация мгновенно пришла бы к банальному и тихому завершению, если бы он покинул поле боя и предоставил право продолжать сражение другой женщине (своей жене, например, если она сама не есть тот «боевой конь»). Данная разумная мысль никогда или почти никогда не приходит ему в голову, ибо ни один мужчина не способен беседовать с анимусом более пяти минут, не рискуя при этом пасть жертвой собственной анимы. Всякий, у кого хватит чувства юмора, чтобы беспристрастно выслушать последующий диалог, будет поражен огромным количеством банальностей, избитых истин, вставленных не к месту, клише из газет и романов, всякого рода общих фраз, перемежающихся вульгарными оскорблениями и умопомрачительным отсутствием логики. Это диалог, который, независимо от его участников, повторяется бесчисленное множество раз на всех языках мира и всегда остается в сущности одинаковым.

³⁰ Данный примечательный факт объясняется следующим обстоятельством: когда анимус и анима встречаются, анимус обнажает меч силы, а анима источает яд иллюзий и соблазна. Исход вовсе не всегда бывает отрицателен, так как оба имеют равные возможности влюбиться (особый случай любви с первого взгляда). Язык любви отличается удивительным однообразием и пользуется старыми формулами с завидным постоянством, в результате чего двое партнеров

вновь оказываются в банальной коллективной ситуации. При этом, однако, они пребывают в иллюзии, будто их отношения в высшей степени индивидуальны.

³¹ И в своих положительных, и в своих отрицательных аспектах отношение анима/анимус всегда «анимозно»; то есть оно эмоционально и, следовательно, коллективно. Аффекты понижают уровень отношений и приближают их к общей инстинктивной основе, в которой уже нет никакой индивидуальности. Очень часто отношения следуют собственному курсу независимо от самих участников, которые и не подозревают, что с ними случилось.

³² Если облако «анимозности», окружающее мужчину, состоит главным образом из сентиментальности и негодования, то у женщины оно выражает себя в виде безапелляционных мнений, домыслов, инсинуаций и неверных толкований, единственная цель которых – разрушить связь между двумя человеческими существами. Женщина, как и мужчина, оказывается окутанной иллюзиями, сплетенными ее демоном-фамильяром, и как дочь, которая одна понимает отца (то есть всегда во всем права), переносится в овечью страну, где ее пасет пастырь ее души, анимус.

³³ Анимус, как и анима, имеет и положительный аспект. Через фигуру отца он выражает не только общепринятое мнение, но и то, что мы называем «духом», в частности философские или религиозные идеи, или, скорее, проистекающую из них установку. Таким образом, анимус – это психопомп, посредник между сознательным и бессознательным и персонификация последнего. Как анима становится Эросом сознания посредством интеграции, так и анимус становится Логосом; как анима придает сознанию мужчины способность устанавливать связи и отношения, так и анимус наделяет сознание женщины способностью к размышлению, обдумыванию и самопознанию.

³⁴ Влияние анимы и анимуса на эго в принципе одинаково. Это влияние крайне трудно исключить, поскольку оно, во-первых, обладает необыкновенной силой и мгновенно наполняет эго-личность несокрушимым чувством правоты и праведности. Во-вторых, причина этого влияния спроецирована и представляется заключенной в объектах и объективных ситуациях. Обе эти характеристики, как я полагаю, восходят к особенностям архетипа, который, разумеется, существует априорно. Возможно, этим и объясняется зачастую абсолютно иррациональное, но вместе с тем бесспорное и неоспоримое существование определенных настроений и убеждений. Вероятно, они с таким трудом поддаются влиянию именно из-за суггестивного эффекта, исходящего от архетипа. Он зачаровывает сознание и держит его словно в гипнотическом плену. Очень часто эго испытывает смутное чувство морального поражения и тогда ведет себя еще более оборонительно, дерзко и самоуверенно, тем самым создавая порочный круг, который лишь усиливает его чувство неполноценности. Как следствие, человеческие отношения лишаются почвы, на которой они зиждутся, ибо, как и мегаломания, чувство неполноценности делает невозможным обоюдное признание, без которого отношений не бывает.

³⁵ Как я уже говорил, легче понять тень, нежели аниму или анимус. С тенью мы имеем некоторое преимущество: отчасти мы готовы к встрече с ней благодаря образованию, которое всегда стремилось убедить людей в том, что они состоят отнюдь не из чистого золота. Посему каждый сразу понимает, что подразумевается под «тенью», «низшей личностью» и т. п. А если человек забыл об этом, воскресная проповедь, жена или налоговый инспектор с легкостью освежат его память. С анимой и анимусом, однако, все гораздо сложнее. Во-первых, нравственное образование в данном плане отсутствует, а во-вторых, большинство людей не видят ничего плохого в самодовольстве и предпочитают взаимные оскорбления (если не хуже!) признанию своих проекций. В самом деле, наличие иррациональных настроений у мужчин и иррациональных убеждений у женщин кажется вполне естественным. Предположительно подобная ситуация уходит своими корнями в инстинкты и должна оставаться неизменной, дабы Эмпедоклова игра любви и ненависти между стихиями могла продолжаться вечно. Природа консервативна

и неохотно позволяет нарушить «круги своя»; она самым упрямым образом защищает неприкосновенность заповедников, где обитают анима и анимус. Таким образом, осознать проекции анимы/анимуса гораздо труднее, чем признать свою теневую сторону. Для этого требуется, разумеется, преодолеть определенные моральные преграды, такие как тщеславие, самолюбие, высокомерие, негодование и т. п., однако в случае проекций к ним добавляются всякого рода интеллектуальные затруднения, не говоря уже о содержаниях проекций, с которыми человек вообще не знает, как быть. В довершение ко всему возникают сильные сомнения касательно того, не чересчур ли мы вмешиваемся в дела природы, доводя до сознания вещи, которые лучше не трогать.

³⁶ Хотя, судя по моему опыту, на свете существует немало людей, которые способны без особых интеллектуальных и моральных затруднений понять, что подразумевается под анимой и анимусом, многие лишь с большим трудом могут представить себе эти эмпирические понятия как нечто конкретное. Это свидетельствует о том, что данные понятия выходят за рамки обычных переживаний. Они непопулярны именно в силу своей непривычности. Как следствие, они мобилизуют предрассудки и становятся табу, как и все неожиданное.

³⁷ Таким образом, если мы выдвигаем требование устранить проекции, ибо это не только полезно, но и во всех отношениях выгодно, мы вступаем на новую территорию. До сих пор каждый был уверен, что идея «мой отец», «моя мать» и т. д. есть не что иное, как правдивое отражение настоящего родителя, в точности соответствующее оригиналу, и что когда человек говорит «мой отец», то имеет в виду именно то, чем его отец является в реальности. На самом деле он думает, что имеет это в виду, однако допущение идентичности отнюдь не гарантирует эту самую идентичность. Здесь вступает в действие парадокс *enkekalymmenos* («скрытый под покрывалом»)⁷. Если некто X включит в психологическое уравнение имеющийся у него образ отца, которого он принимает за реального отца, уравнение не будет иметь решения, поскольку введенная неизвестная не согласуется с реальностью. X упустил из виду тот факт, что его представление состоит, во-первых, из крайне неполной картины, полученной им о реальном человеке, а во-вторых, из субъективных модификаций, наложенных им на эту картину. Представление X о своем отце – комплексная величина, за которую реальный отец отвечает лишь частично, тогда как неопределенно большая доля принадлежит сыну. Следовательно, всякий раз, когда сын критикует или восхваляет своего отца, он бессознательно метит в самого себя, тем самым вызывая психические последствия, свойственные людям, которые привыкли принижать или расхваливать себя. Если, однако, X тщательно сопоставит свои реакции с реальностью, у него появится шанс заметить, что он где-то допускает ошибку; по поведению отца ему надлежало давным-давно понять, что его представление о нем ложно. Однако, как правило, X уверен в своей правоте, а если кто-то и не прав, то это, несомненно, кто-то другой. Если X обладает слабо развитым Эросом, то он либо останется равнодушен к неадекватным отношениям с отцом, либо будет раздражаться из-за непоследовательности и общей непостижимости последнего, ибо его поведение никогда не соответствует образу, сложившемуся у X. Таким образом, X полагает, что имеет полное право чувствовать себя обиженным, непонятым и даже преданным.

³⁸ Можно представить, насколько желательно в таких случаях устранить проекцию. При этом всегда найдутся оптимисты, которые верят, что, как только людям укажут правильный путь, наступит золотой век. Однако пусть они попробуют объяснить этим людям, что они ведут себя подобно собаке, которая гонится за собственным хвостом. Чтобы заставить человека увидеть изъяны своей установки, недостаточно просто «сказать» ему о них, ибо здесь задей-

⁷ Данный парадокс восходит к Евбулиду и звучит следующим образом: «Можешь ли ты узнать своего отца?» – «Да». – «Можешь ли ты узнать этого человека под покрывалом?» – «Нет». – «Этот человек под покрывалом – твой отец. Следовательно, ты можешь узнать своего отца и не можешь узнать его».

ствовано нечто большее, чем допускает обычный здравый смысл. Здесь человек сталкивается со своего рода судьбоносным непониманием, которое, в обычных условиях, всегда остается недостижимым для инсайта. Это все равно что ожидать от среднестатистического законопослушного гражданина, что он признает себя преступником.

³⁹ Я упоминаю обо всем этом с одной целью: продемонстрировать масштабы проекций анимы/анимуса, а также необходимых для их устранения нравственных и интеллектуальных усилий. Впрочем, проецируются далеко не все содержания анимы и анимуса. Многие спонтанно проявляются в сновидениях и т. п.; многие могут быть переведены в область сознания посредством активного воображения. Так мы узнаем, что в нас живут мысли, чувства и аффекты, о которых мы даже не подозревали. Естественно, подобные возможности кажутся абсолютной фантастикой любому, кто не пережил их сам, ибо нормальный человек «всегда знает, что он думает». Подобная детская установка со стороны «нормального человека» – правило, а потому от человека без опыта в этой области нельзя ожидать понимания реальной природы анимы и анимуса. Эти размышления приводят нас в совершенно новый мир психологического опыта, при условии, конечно, что мы сумеем реализовать их на практике. Те, кому это удастся, будут поражены тем, сколь многого эго не знает и никогда не знало. В наше время подобные достижения в самопознании крайне редки и обычно заранее оплачиваются неврозом, если не хуже.

⁴⁰ В фигурах анимы и анимуса выражается автономия коллективного бессознательного. Они персонифицируют те его содержания, которые, при их отделении от проекций, могут быть интегрированы в сознание. В этом смысле обе фигуры выполняют *функции* отфильтровывания содержаний коллективного бессознательного и их передачи сознательному разуму. Однако так они ведут себя до тех пор, пока тенденции сознания и бессознательного расходятся не слишком сильно. При возникновении любого рода напряжения эти функции, прежде безвредные, вступают в конфликт с сознанием в персонифицированной форме и ведут себя скорее как системы, отколовшиеся от личности, или как отчасти самостоятельный фрагмент души. Данное сравнение некорректно в том смысле, что ничего из ранее принадлежавшего эго-личности не откалывалось от нее; напротив, две фигуры представляют собой беспокойное приращение. Причина такого их поведения заключается в том, что, хотя *содержания* анимы и анимуса могут быть интегрированы, сами они интегрированы быть не могут, ибо являются архетипами. Как таковые они суть краеугольные камни психической структуры, которая во всей своей целокупности выходит за границы сознания и, следовательно, никогда не может стать объектом непосредственного познания. Хотя эффекты анимы и анимуса могут быть осознаны, сами они представляют собой факторы, трансцендентные по отношению к сознанию и недоступные для восприятия и воли. Как следствие, они остаются автономными, несмотря на интеграцию их содержаний, а потому о них никогда не следует забывать. Это крайне важно с терапевтической точки зрения, ибо постоянное наблюдение – та дань бессознательному, которая более или менее обеспечивает эго сотрудничество. Как известно, с бессознательным невозможно «разделяться» раз и навсегда. На самом деле одна из важнейших задач психической гигиены состоит в том, чтобы постоянно уделять внимание симптоматике бессознательных содержаний и процессов – по той простой причине, что сознательному разуму всегда грозят односторонность, следование проторенным дорожкам и застревание в тупиках. Комплементарная и компенсаторная функция бессознательного обеспечивает возможность в некоторой степени избежать этих опасностей, которые особенно выражены при неврозе. Только в идеальных условиях, когда жизнь еще проста и бессознательное может следовать извилистой тропой инстинкта без колебаний и опасений, компенсация может увенчаться абсолютным успехом. Чем более цивилизован, бессознателен и сложен человек, тем менее он может следовать инстинктам. Влияние сложных жизненных условий и окружающей среды настолько велико, что заглушает тихий голос природы. Мнения, убеждения, теории и коллективные тенденции занимают его место и поддержи-

вают все абберрации сознательного разума. Дабы компенсация заработала, необходимо уделять особое внимание бессознательному. Особенно важно при этом представлять архетипы бессознательного не как стремительную фантасмагорию неуловимых образов, но как константные автономные факторы, которыми они и являются.

⁴¹ Как показывает практический опыт, обоим этим архетипам присуща фатальность, которая иногда может приводить к трагическим последствиям. Они, в буквальном смысле, мать и отец всех губительных хитросплетений судьбы, и издавна считаются таковыми во всем мире. Вместе они составляют божественную пару⁸, один член которой, в соответствии со своей природой Логоса, характеризуется пневмой и *poies*, подобно изменчивому Гермесу, тогда как второй, в силу своей природы Эроса, обладает чертами Афродиты, Елены (Селены), Персефоны и Гекаты. Оба суть бессознательные силы, фактически «боги», каковыми и видел их древний мир. Называть их так значит отвести им центральное положение на шкале психологических ценностей, которое принадлежало им всегда, вне зависимости от того, признано это сознанием или нет; ибо сила их растет пропорционально степени их бессознательности. Те, кто не видит их, пребывают в их власти – так эпидемия тифа сильнее всего там, где источник ее неизвестен. Даже в христианстве божественная сизигия не устарела, но занимает высшее место в лице Христа и его невесты Церкви⁹. Подобные параллели оказываются крайне полезными в наших попытках найти верный критерий для оценки значимости этих двух архетипов. Все, что мы можем выяснить о них с помощью сознания, столь незначительно, что почти незаметно. Лишь заглянув в темные глубины психики и исследовав странные, извилистые пути человеческой судьбы, мы начинаем понимать, сколь велико воздействие двух этих факторов, дополняющих нашу сознательную жизнь.

⁴² Подводя итоги, я хотел бы подчеркнуть, что интеграция тени, или осознание личного бессознательного, составляет первый этап аналитического процесса, и что без него невозможно признание анимы и анимуса. Тень поддается осознанию только через отношение с партнером, анима и анимус – только через отношение с противоположным полом, ибо только в таких отношениях их проекции начинают действовать. Признание анимы или анимуса у мужчины ведет к возникновению триады, одна треть которой трансцендентна. Эта триада включает маскулинный субъект, противостоящий ему фемининный субъект и трансцендентную аниму. У женщин наблюдается обратное. Недостающим четвертым элементом, который превратил бы триаду в четверицу (кватерность), у мужчины будет архетип Мудрого Старца (который я не рассматриваю здесь), а у женщины – Хтоническая Мать. Эти четыре элемента образуют наполовину имманентную и наполовину трансцендентную кватерность – архетип, который я назвал *брачным кватернионом*¹⁰. Брачный кватернион обеспечивает схему не только для самости, но и для структуры первобытного общества с его кросскузенными браками, брачными классами и разделением поселения на кварталы. С другой стороны, самость есть образ Бога или, по крайней мере, нечто от него неотличимое. Последнее было ведомо уже духу раннего христианства, иначе Климент Александрийский никогда бы не сказал, что тот, кто познает себя самого, познает и Бога¹¹.

⁸ Разумеется, это не есть психологическое и, тем более, метафизическое определение. Как я указывал в работе «Отношения между эго и бессознательным» (абз. 336), сизигия состоит из трех элементов: фемининного начала в мужчине и маскулинного начала в женщине; опыта мужчины по поводу женщины и наоборот; и, наконец, маскулинного и фемининного архетипического образа. Первые два элемента могут быть интегрированы в личность посредством осознания, последний – нет.

⁹ «Ибо говорит Писание: сотворил Бог человека... мужа и жену; муж есть Христос, жена – Церковь». (Второе послание Климента коринфянам, XIV, 2.) В графических представлениях место Церкви часто занимает Мария.

¹⁰ «Психология переноса», абз. 425. См. ниже *кватернион* наасенов.

¹¹ См. ниже, абз. 347.

IV. Самость¹²

⁴³ Перейдем к вопросу о том, оказывает ли рост самопознания, вызванный устранением безличных проекций – другими словами, интеграцией содержаний коллективного бессознательного – особое влияние на эго-личность. При условии, что интегрированные компоненты являются *частью самости*, можно ожидать, что такое влияние будет существенным. Их ассимиляция увеличивает не только область поля сознания, но и важность эго, особенно если (как это обычно и происходит) у эго отсутствует критический подход к бессознательному. В этом случае оно легко подавляется и становится идентичным ассимилированным содержаниям. Так, например, мужское сознание попадает под влияние анимы и даже может стать одержимо ею.

⁴⁴ Более подробно я рассматривал последствия интеграции бессознательных содержаний в другом месте¹³, а потому не стану вдаваться в подробности здесь. Подчеркну лишь, что чем многочисленнее и значительнее бессознательные содержания, ассимилированные в эго, тем точнее аппроксимация эго к самости, даже если такая аппроксимация представляет собой процесс бесконечный. В отсутствие критической демаркационной линии между эго и фигурами бессознательного это неизбежно порождает инфляцию эго¹⁴. Впрочем, подобный акт разграничения дает практические результаты только в том случае, если позволяет, во-первых, установить разумные границы эго, а во-вторых, предоставить фигурам бессознательного – самости, аниме, анимусу и тени – относительную автономию и реальность (психической природы). Попытки психологизировать и тем самым ликвидировать эту реальность либо оказываются неэффективны, либо просто усиливают инфляцию эго. Невозможно избавиться от фактов, объявив их нереальными. Порождающий проекции фактор, например, обладает неоспоримой реальностью. Всякий, кто отрицает его, становится идентичен ему, что не только само по себе сомнительно, но и весьма опасно для благополучия индивида. Каждый, кто сталкивался с такими случаями, знает, сколь губительной может быть инфляция. Для фатального падения достаточно всего-навсего лестничного пролета или скользкого пола. Помимо мотива «гордыня до добра не доведет», существуют и другие факторы не менее неприятного психосоматического и психического характера, которые помогают снизить «раздутое самомнение». Данное состояние не следует толковать как состояние сознательного самовозвеличивания. Это далеко не правило. Обычно мы напрямую не осознаем данное состояние и в лучшем случае можем убедиться в его наличии косвенно, на основании симптомов. Последние включают реакции нашего непосредственного окружения. Инфляция увеличивает слепое пятно в глазу, и чем больше мы ассимилируем порождающим проекции фактором, тем сильнее тенденция идентифицировать себя с ним. Явный симптом – растущее нежелание замечать и учитывать реакции своего окружения.

⁴⁵ Ассимиляцию эго с самостью следует считать психической катастрофой. Образ целостности тогда остается в бессознательном, так что, с одной стороны, он разделяет архаическую природу бессознательного, а с другой – оказывается в психически релятивном пространственно-временном континууме, характерном для бессознательного как такового¹⁵. Оба эти

¹² Материал этой главы взят из статьи «Über das Selbst», опубликованной в журнале *Eranos-Jahrbuch*, 1948 г.

¹³ «Отношения между эго и бессознательным».

¹⁴ В смысле, заложенном в Первом послании к коринфянам 5:2 – «*Iflati estis*

πεφυσισμένοι

[et non magis luctum habuistis » («И вы возгордились, вместо того чтобы лучше плакать») – относительно инцеста с матерью («некто вместо жены имеет жену отца своего»).

¹⁵ «О природе психе».

качества нуминозны, а потому оказывают неограниченное детерминирующее воздействие на эго-сознание, которое дифференцировано, т. е. отделено, от бессознательного и которое, более того, существует в абсолютном пространстве и абсолютном времени. Такое положение вещей жизненно необходимо. Если эго попадает под контроль бессознательного фактора, его адаптация нарушается, и открывается путь для всевозможных случайностей.

⁴⁶ Следовательно, крайне важно, чтобы эго было тесно связано с миром сознания и чтобы сознание подкреплялось в высшей степени точной адаптацией. В данной связи первостепенное значение в нравственном плане имеют такие добродетели, как внимательность, совестливость, терпение и т. п., а в интеллектуальном – тщательное наблюдение за симптоматикой бессознательного и объективная самокритика.

⁴⁷ Тем не менее акцентуация эго-личности и мира сознания с легкостью может приобрести такие масштабы, что фигуры бессознательного психологизируются, а *самость*, *соответственно*, *становится ассимилированной эго*. Хотя данный процесс прямо противоположен описанному выше, результат его тот же: инфляция. Как следствие, мир сознания должен быть переведен на более низкий уровень в угоду реальности бессознательного. В первом случае реальность должна быть защищена от архаического, «вечного» и «вездесущего» состояния сновидения; во втором – место для сновидений обеспечивается за счет мира сознания. В первом случае рекомендована мобилизация всех позитивных качеств, во втором – амбиции эго могут быть ослаблены только моральным поражением. Это необходимо, поскольку иначе человек никогда не сможет достигнуть той умеренной степени скромности, которая требуется для поддержания психического равновесия. Речь идет не о том (как могут подумать некоторые), чтобы ослабить саму мораль, а о том, чтобы перенаправить моральные усилия в нужное русло. Например, недостаточно добросовестный человек должен приложить некое моральное усилие, дабы соответствовать ожиданиям окружающих; тогда как тот, кто неплохо укоренился в мире благодаря собственным стараниям, будет вынужден проделать немалую нравственную работу, чтобы нанести поражение своим добродетелям, ослабив связи с миром и снизив эффективность адаптации. (В этой связи вспоминается ныне канонизированный брат Клаус, который ради спасения своей души оставил жену и многочисленное потомство на произвол судьбы.)

⁴⁸ Поскольку все истинные нравственные проблемы начинаются там, где кончается действие уголовного кодекса, их решение почти никогда не зависит от прецедента и, тем более, от предписаний и заветов. Подлинные нравственные проблемы проистекают из *коллизий долга*. Всякий, кто достаточно скромен или покладист, всегда может найти решение с помощью некоего внешнего авторитета. Но тот, кто доверяет другим столь же мало, сколь и себе, не сможет достичь решения никогда, если оно не явится ему образом, которое в прецедентном праве именуют «промыслом божьим» или «*force majeure*». Оксфордский словарь определяет данное понятие как «действие неконтролируемых сил природы». Во всех таких случаях некий бессознательный авторитет кладет конец сомнениям и ставит человека перед фактом – *fait accompli*. (В конечном счете это относится и к тем, кто получает решения от высшего авторитета, только в более завуалированной форме.) Такой авторитет можно описать и как «божью волю», и как «действие неконтролируемых сил природы», хотя с психологической точки зрения между двумя этими описаниями существует большая разница. Рационалистическая интерпретация внутреннего авторитета как «сил природы» или инстинктов удовлетворяет требованиям современного интеллекта, однако имеет один серьезный недостаток: видимая победа инстинкта снижает нашу нравственную самооценку; как следствие, мы убеждаем себя, что вопрос решен исключительно рациональным усилием воли. Цивилизованный человек испытывает такой страх перед «*crimen laesae majestatis humanae*¹⁶», что при всякой возможности стара-

¹⁶ Зд.: преступление, заключающееся в причинении ущерба величию человека.

ется задним числом подрихтовать факты, дабы заглушить чувство нравственного поражения. Он гордится тем, что представляется ему самообладанием и всесилием его воли, и презирает тех, кто позволяет природе обвести себя вокруг пальца.

⁴⁹ Если, напротив, внутренний авторитет мыслится как «воля божья» (подразумевающая, что «силы природы» суть силы божественные), то наша самооценка выигрывает, ибо решение тогда предстает актом повиновения, а результат – божественным замыслом. Подобный подход можно, с некоторой долей справедливости, обвинить не только в том, что он слишком удобный, но и в том, что он скрывает моральную распушенность под личиной добродетели. Однако это обвинение оправданно лишь в том случае, когда человек сознательно прячет свою эгоистическую точку зрения за лицемерным словесным фасадом. Это ни в коем случае не правило, ибо в большинстве случаев инстинктивные тенденции устанавливаются вне зависимости от субъективных интересов человека и одобрения со стороны внешнего авторитета. Предварительно консультироваться с внутренним авторитетом не нужно: он присутствует изначально и проявляется в интенсивности противоборствующих тенденций. В этой борьбе индивид никогда не бывает просто наблюдателем: он более или менее «добровольно» участвует в ней и пытается бросить на чашу весов свое чувство моральной свободы. Тем не менее пока неизвестно, в какой мере его якобы свободное решение обусловлено каузальной и, возможно, бессознательной мотивацией. Это может быть столько же «божий промысел», сколько любой природный катаклизм. Данная проблема кажется мне неразрешимой, ибо мы ничего не знаем об основах чувства моральной свободы; тем не менее существование этих основ так же неоспоримо, как и существование инстинктов, которые ощущаются как непреодолимые силы.

⁵⁰ В целом объяснять естественные силы, проявляющиеся в нас в виде импульсов, «божьей волей» не только более выгодно, но и психологически более «корректно». Таким образом мы ощущаем себя в гармонии с *habitus* нашей анцестральной психической жизни; иными словами, мы действуем так, как человек действовал везде и во все времена. Существование такого *habitus* само по себе доказывает его живучесть: будь он нежизнеспособен, все, кто подчинялись ему, давно бы погибли в результате недостаточной адаптации. С другой стороны, придерживаясь его, человек имеет все шансы на долголетие. Когда врожденный взгляд на вещи дает подобные гарантии, нет никаких причин объявлять его неверным; напротив, есть все основания провозглашать его «истинным» или «корректным» в психологическом смысле. Психологические истины не есть метафизические инсайты; они суть привычные способы мышления, чувствования и поведения, уместность и полезность которых подтверждает опыт.

⁵¹ Таким образом, когда я говорю, что импульсы, которые мы обнаруживаем в себе, следует понимать как «волю божью», я хочу подчеркнуть, что их необходимо расценивать не как произвольные желания и волеизъявления, а как абсолютные данности, с которыми нужно научиться обращаться правильно. Воля способна контролировать их лишь частично. Она может подавить их, но не может изменить их природу; то, что было однажды подавлено, возникает снова, в другом месте и в измененной форме, но на этот раз отягощенное раздражением, которое превращает иначе безобидный естественный импульс в нашего врага. Также я хотел бы, чтобы термин «божий» в словосочетании «божья воля» понимали не столько в христианском смысле, сколько в духе Диотимы, сказавшей: «Эрот, дорогой Сократ, великий демон». Греческие слова *daimon* и *daimonion* обозначают детерминирующую силу, являющуюся человеку извне, подобно провидению или судьбе, хотя этический выбор остается за человеком. Он, однако, обязан знать, что выбирает и что делает. Тогда, повинаясь этой силе, он следует не только собственному мнению, а отвергая ее, уничтожает не только собственное изобретение.

⁵² Сугубо биологический или естественно-научный подход не отвечает требованиям в психологии, ибо главным образом носит интеллектуальный характер. Это, разумеется, не

изъян: методы естественных наук давно доказали свою эвристическую ценность в психологических исследованиях. Однако психический феномен в своей целокупности невозможно постичь одним интеллектом, ибо он включает в себя не только *смысл*, но и *ценность*, а ценность зависит от интенсивности сопутствующих чувственных тонов. Как следствие, необходимы по меньшей мере две «рациональные» функции¹⁷, дабы составить более или менее полную схему данного конкретного психического содержания.

⁵³ Следовательно, если при анализе психических содержаний мы допускаем не только интеллектуальные, но и ценностные суждения, мы получаем более полное представление не только о самом рассматриваемом содержании, но и о той особой позиции, которую оно занимает в общей иерархии психических содержаний. Чувственная ценность – очень важный критерий, без которого психология решительно не может обойтись, ибо она в значительной степени определяет ту роль, которую будет играть данное содержание в психической экономии. Иными словами, аффективная ценность служит показателем интенсивности представления, а интенсивность, в свою очередь, выражает энергетическое напряжение этого представления, его действенный потенциал. Тень, например, обычно обладает определенно негативной чувственной ценностью, тогда как анима и анимус – более позитивной. Если тени сопутствуют более или менее четкие и поддающиеся описанию чувственные тона, то анима и анимус демонстрируют чувственные качества, определить которые гораздо труднее. В основном они ощущаются как зачаровывающие или нуминозные. Часто их окружает атмосфера чувствительности, обидчивой сдержанности, скрытности, болезненной близости и даже абсолютности. В этих качествах выражена относительная автономность фигур анимы и анимуса. В рамках аффективной иерархии они относятся к тени примерно так же, как тень относится к эго-сознанию. Основной аффективный акцент, по всей видимости, заключен в последнем; во всяком случае, оно способно, посредством существенных энергетических затрат, хотя бы временно подавить тень. Однако если по какой-то причине бессознательное берет верх, валентность тени и других фигур пропорционально возрастает, в результате чего шкала ценностей меняется на противоположную. То, что прежде находилось дальше всего от бодрствующего сознания и казалось бессознательным, отныне приобретает угрожающую форму; при этом аффективная ценность увеличивается от эго-сознания через тень и аниму к самости. Подобная инверсия сознательного состояния регулярно происходит при переходе от бодрствования ко сну; в такие моменты ярче всего проявляется то, что оставалось бессознательным в течение дня. Любое *abaissement du niveau mental* влечет за собой относительную инверсию ценностей.

⁵⁴ Здесь я говорю о *субъективном* чувственном тоне, подверженном более или менее периодическим изменениям, описанным выше. Однако существуют и *объективные* ценности, основанные на *consensus omnium*, – например, моральные, эстетические и религиозные ценности; они суть общепринятые идеалы или эмоционально окрашенные коллективные представления («*représentations collectives*» Леви-Брюля)¹⁸. Субъективные чувственные тона или «ценностные кванты» легко распознаются на основании типа и числа порождаемых ими констелляций, или симптомов возмущений¹⁹. Коллективные идеалы часто лишены субъективного чувственного тона, но, тем не менее, сохраняют чувственную ценность. Их ценность, следовательно, может быть обнаружена не через субъективные симптомы, а через присущие таким коллективным идеям атрибуты и их характерную символику, не говоря уже об их суггестивном эффекте.

⁵⁵ Данная проблема имеет практический аспект, поскольку вполне может случиться, что коллективная идея, хотя и значимая сама по себе, в силу отсутствия субъективных чувствен-

¹⁷ См. *Психологические типы* (раздел «Определение терминов», статьи «Рациональное» и «Иррациональное»).

¹⁸ *Les Fonctions mentales dans les sociétés inférieures*.

¹⁹ «О психической энергии», абз. 14 и далее, 20 и далее.

ных тонов представлена в сновидении лишь второстепенным атрибутом; например, божество может быть представлено неким териоморфным атрибутом и т. п. И наоборот, идея может предстать в сознании без свойственного ей аффективного акцента, а потому должна быть переведена обратно в свой архетипический контекст – задача, обычно выполняемая поэтами и про-роками. Так, Гельдерлин в своем «Гимне свободе» позволяет этому понятию, потускневшему от частого употребления и злоупотребления, вернуть себе первоначальное великолепие:

С той поры, как поднят я из праха,
Как ее лобзания познал,
Чист мой взор, не знает сердце страха,
Страстью к ней мой разум воспылал.
Речь ее ловлю я чутким слухом,
Как богине поклоняюсь ей.
Слушайте! Вещает добрым духам
Мудрый глас владычицы моей...²⁰

⁵⁶ Очевидно, что идея свободы здесь возвращается в свое исходное драматическое состо-яние – превращается в сияющую фигуру анимы, освобожденную от тяжести земли и тирании чувств, в психопомпа, указывающего путь к полям Элизiums.

⁵⁷ Первый из упомянутых нами случаев, когда коллективная идея репрезентируется в сновидении своим низшим аспектом, бесспорно, наблюдается чаще: «богиня» появляется в виде черной кошки, а божество – в виде *lapis exilis* (ничего не стоящего камня). Здесь адек-ватная интерпретация требует определенных познаний, которые относятся не столько к зоо-логии и минералогии, сколько к существованию исторического *consensus omnium* касательно рассматриваемого объекта. Эти «мифологические» аспекты присутствуют всегда, даже если в данном конкретном случае они бессознательны. Например, если человек, выбирая, в какой цвет – зеленый или белый – покрасить садовую калитку, не помнит, что зеленый – цвет жизни и надежды, символический аспект «зеленого» тем не менее присутствует в качестве бессозна-тельного *sous-entendu*

²⁰ Гельдерлин Ф. *Сочинения*. Перевод Л. Гинзбурга.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.